

Одно из основных предложений в национальную программу развития ДВ – принятие экстренных мер по увеличению населения. Пытаемся разобраться, насколько оправдана такая постановка задачи, насколько и какими средствами эта задача реализуема.

Оборотный человеческий капитал

Демография Дальнего Востока: спасать или не вмешиваться?

В последние несколько месяцев сбор предложений в национальную программу развития Дальнего Востока вошёл в активную фазу: этим одновременно занимаются [студенты](#), [общественность](#) и [эксперты](#). Основной целью в социальной части считается повышение численности дальневосточного населения, которая, как предполагается, лежит в основе всех составляющих социально-экономического благополучия региона, включая его промышленное развитие и инфраструктурную обустроенность.

Проблема малочисленности населения региона достаточно давно обсуждается на различных демографических конференциях, с годами их [унылый тон](#) не меняется: [люди уезжают](#), и пока никакие усилия Минвостокразвития не могут остановить этот процесс. Сокращение населения уменьшает внутренний потребительский рынок, результатом чего становится снижение привлекательности региона для бизнеса, отсутствие последнего лишает людей дохода, они покидают родину в поисках лучшей доли. Этот заколдованный круг предлагается разорвать за счёт принятия мер по повышению численности населения.

Разумеется, планы по увеличению числа дальневосточников можно только приветствовать, но не следует рассматривать плотность населения как главный индикатор состояния региона, падение которого приводит Дальний Восток к разрухе и запустению, а его положительная динамика непременно даст импульс региональному процветанию. Большинство местных проблем – таких, как значительные издержки на транспортировку ресурсов и готовой продукции, слабая инфраструктурная сеть, неудовлетворительная организация управления территорией и низкая транспортная доступность - не являются следствием малочисленности населения: например, население Аляски составляет всего 700 тыс. человек на территорию в 1,7 млн. кв. км, но подобных проблем там нет.

Неверным было бы и обратное утверждение о наличии прямой зависимости экономического роста от плотности населения. В современной российской практике известны примеры как низкого уровня экономического развития при большой численности населения (например, республики Северного Кавказа), так и высоких темпов экономического роста при небольшой численности населения (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская область). Разумеется, большую роль в обеспечении такого роста играет структура экономики, поскольку для добывающих производств требуется значительно меньше работников, нежели для обрабатывающих. Но примеры кадровых трудностей, возникающих у крупных дальневосточных проектов в сфере газо- и нефтехимии и машиностроения – ВХК, НЗМУ, верфи «Звезда» и других - показывают, что само по себе присутствие местных жителей на территории реализации проектов, заселённой по местным меркам достаточно плотно, не может гарантировать этим проектам наличия работников нужных квалификаций, и, следовательно, не является условием экономического роста, обеспечиваемого этими проектами.

Дальневосточная миграция

Причины массового (около 2 млн человек) оттока населения из региона в 1990-е годы хорошо известны экономистам: он был связан, главным образом, с изменением структуры экономики региона, его деиндустриализацией и демилитаризацией, в результате чего Дальний Восток покинули военнотруженики, работники ОПК и их семьи – так невидимая рука Адама Смита

уравняла спрос и предложение, демография изменилась вслед за структурой экономики. В настоящее время, по мере оживления производства, наблюдается замещающая миграция: вместе с потерей коренного населения регион активно принимает мигрантов из республик Средней Азии, численность которых точно установить невозможно.

Кроме того, существует устойчивый тренд перераспределения населения внутри самого Дальнего Востока, из северо-восточных субъектов ДФО (Чукотка, Камчатка, Магаданская область), в южные (Приморье, Хабаровский край). Тренд перемещения населения из слабо обустроенных и некомфортных для жизни по климатическим и инфраструктурным факторам регионов в более комфортные характерен для России в целом. Исключением являются места, где подобные условия компенсируются возможностями получения высоких доходов и других благ: в ДФО это Республика Саха (Якутия), население которой за последние годы увеличилось.

Дальневосточный демографический спад продолжается (правда, уже совсем другими темпами – несколько тысяч человек в год), его причины давно известны из многочисленных опросов и социологических исследований: это структура рынка труда, неблагоприятная для карьерного роста; уровень доходов, не покрывающий высокие издержки на жизнеобеспечение; недостаточное развитие инфраструктуры, в т.ч., социальной; отсутствие рыночных предпосылок для разворачивания бизнеса (кроме трансграничной торговли, имеющей свои ограничения). Устранение этих причин требует длительного времени и привлечение больших ресурсов разного типа.

Заманить чужих, удержать своих

Для прояснения ситуации стоит разделить задачу улучшения демографии в ДФО на две подзадачи, разных по причинам, морфологии и путям решения: увеличение притока и снижение оттока населения.

Активные, квалифицированные и состоятельные люди на Дальний Восток, как правило, не едут. Перечень факторов низкой привлекательности региона для переселенцев давно известен: удаленность от культурных центров, низкое качество жизни, низкие доходы, отсутствие перспектив, плохой климат, отсутствие инфраструктуры (как производственной, так и социальной). Помимо объективных географических и климатических факторов, с которыми мало что можно сделать, основные факторы относятся к экономическим – это доход и занятость. Экономическая составляющая региона растёт, но темпы этого роста пока невелики, хотя они уже генерируют устойчивый спрос на рабочую силу. Попытка запустить обратный процесс - привлечь мигрантов в чистое поле, в надежде, что они своими усилиями как-то поднимут экономику региона - очевидно, окажется безуспешной. Если во времена Столыпина аттрактором для переселения была земля, как основное средство производства, то сегодня у переселенцев этого мотива для переезда уже нет, а нового не появилось.

Рост занятости как составная часть вторичной индустриализации имеет свою специфику. Пока на дальневосточном рынке труда востребованы, главным образом, рабочие-строители в проекты новой индустриализации, а также разного рода менеджеры в торговлю и сервисные проекты местной экономики. Согласно рыночным принципам вездесущего А. Смита, возникающие рабочие места занимают кадры, удовлетворяющие работодателя по соотношению «цена/качество». При этом более предпочтительными для бизнеса часто оказываются не местные жители, а вахтовики из других частей России и мигранты из Средней Азии.

Для сохранения местного населения в регионе одним из ключевых условий является масштаб и разнообразие рынка труда, который, в свою очередь, определяется степенью развития экономики. Государство может стимулировать инвестиции в крупные индустриальные проекты, но не в силах создать весь спектр рабочих мест для всех желающих. Отток молодых

квалифицированных специалистов из региона объясняется отсутствием достаточного количества рабочих мест, которые бы устраивали этих людей по специализации, финансовым характеристикам и карьерным перспективам. Поэтому неудивительно, что выпускники ДВФУ, который готовит не сварщиков и плотников, а журналистов и биологов, как правило, уезжают из региона – здесь им просто некуда устраиваться на работу. Высшая школа ДФО не скоординирована с рынком труда, что приводит к забавным последствиям: чем выше, например, качество подготовки выпускников ДВФУ, тем большая их часть стремится покинуть регион, поскольку их высокие карьерно-зарплатные ожидания не удовлетворяются имеющейся структурой занятости.

Помимо занятости, условием удержания населения является трудноуловимое «качество жизни», не тождественное «уровню жизни», который измеряется доходом. Качество жизни – сложносоставной индикатор, включающий доступность жилья, здравоохранения, образования, транспортную мобильность, экологию и культуру. В этом смысле, уровень жизни в Москве значительно выше, чем в других городах России, а вот по качеству жизни столица не попадает в даже в первую десятку рейтингов.

Дальний, холодный, дикий

Что важнее для потенциальных переселенцев на Дальний Восток – доходы, качество жизни или что-то ещё? Чтобы разобраться в этом, несколько лет назад мы с коллегами провели довольно масштабное (включило 33 экспертных интервью, 22 фокус-группы, 4 онлайн-опроса по 4000 чел.) исследование, посвященное поискам ответа на вопрос «При каких условиях жители европейской части России готовы переехать на Дальний Восток?». Как выяснилось в итоге, даже жители депрессивных западных регионов вроде Карелии и Ленинградской области согласились бы на такой шаг только при условии выдачи им «социального пакета переселенца», включающего: доходную (в среднем, не менее 100 тыс. руб.) и перспективную работу с обязательной предварительной контрактацией; предоставление льготного или бесплатного жилья; беспроцентную ипотеку; налоговые каникулы для физлиц и бизнеса; ранний выход на пенсию; хорошую экологию и инфраструктуру; теплый климат; бонусы на ежегодные поездки к родственникам «на запад», а также возможность в любой момент вернуться обратно. При этом среди мотиваций к переезду с большим отрывом лидировал материальный фактор дохода, его назвали главным около 60% опрошенных.

Очевидно, что такие завышенные требования респонденты рассматривали как сверх-компенсацию за перемещение в заведомо менее комфортную среду, которой считается Дальний Восток: как заметил один из экспертов, «есть устойчивый миф о том, что чем дальше от Москвы на восток оказывается человек, тем ниже он на ступенях социальной лестницы». Это представление разделяют жители и западных, и восточных регионов страны: учитель сельской школы в Приморье будет расстроен, если его ученики не уедут после выпуска из деревни в город, предпочтительно, расположенный в ЦФО или ЮФО.

Основными негативными характеристиками региона были названы удалённость от Европы, низкая освоенность территории, отсутствие карьерных перспектив, суровый климат, высокие цены, развал промышленности и безработица. Такой имидж региона сложился за несколько десятилетий, у него есть как объективные (экономические), так и субъективные (коммуникационные) составляющие. Из позитивных результатов отмечена довольно большая доля респондентов, которые воспринимают Дальний Восток как место свободного предпринимательства и могли бы переехать в регион, движимые мечтой о запуске собственного бизнеса - при условии, если государство уберёт административные барьеры и излишний контроль.

Выводы были сделаны следующие: в текущих условиях не стоит ожидать сколько-нибудь заметного потока желающих переселиться в восточную часть страны; на стимулирование переезда не хватит никаких бюджетов страны; без повышения качества жизни коренное население будет продолжать утекать; представление о Дальнем Востоке в общественном сознании как о «зоне разрухи и безнадёжности» вредит государственным планам развития региона и требует изменения – например, усилий по формированию образа «территории больших возможностей». Рекомендации органам власти содержали предложения уменьшить зарегулированность бизнеса, вкладываться в социальную инфраструктуру, дифференцированно помогать разным категориям мигрантов, а также создавать научные и культурные центры, ориентированные на АТР. Как показывает практика, отчасти они были реализованы, но не все и в ограниченных масштабах.

Здесь не Клондайк

Можно утверждать, что представления среднероссийского жителя о том, что такое Дальний Восток и стоит ли туда ехать, вряд ли существенно изменились со времени проведения упомянутого исследования. Возвращаясь к национальной программе, хотелось бы предложить несколько тезисов, касающихся качества жизни и привлекательности Дальнего Востока.

Низкое качество социальной инфраструктуры характерно для многих регионов России, но для Дальнего Востока оно не компенсируется какими-то другими положительными факторами – например, дешёвизной продуктов/жилья/мобильности, хорошим климатом или высокими зарплатами, а, скорее, наоборот, выступает в роли понижающего коэффициента. Если нет возможности кардинально изменить все составляющие «качество жизни», то стоило бы выделить один или несколько факторов, изменить которые в сторону улучшения проще, чем другие, и которые бы выступили компенсаторами для негативного влияния всех остальных. В советское время такими компенсаторами являлись высокие, с дальневосточными надбавками, зарплаты и возможности быстрого карьерного роста для определенных категорий специалистов. В настоящее время эти параметры таковыми не являются: зарплаты в Москве намного выше, социальных лифтов в регионе намного меньше.

Факторы привлекательности для разных групп населения нужно дифференцировать. Для сидящих на чемоданах местных жителей трудоспособного возраста с детьми и пенсионеров возможные аттракторы – это просевшая социальная инфраструктура (образование и здравоохранение), восстановление которой существенно повысит оценку привлекательности данного города или села. Для амбициозных выпускников университетов – «высокотехнологичные рабочие места», которых со временем больше будет возникать в сфере ИТ, инженерии, переработки и транспорта, и жильё, много и разных видов: арендное, под льготную ипотеку, социальные кредиты с пониженной ставкой и т.д. Пока муниципалитеты бьются, пытаясь выкроить из фонда пару-тройку квартир, чтобы с их помощью заманить к себе молодого врача или учителя, жилищная проблема не будет решена, нужно системное решение типа «дальневосточной программы строительства доступного жилья», с микрорайонной застройкой, специальным режимом землеотвода и подвода инженерных сетей, контролем застройщиков и распределением жилья через муниципальный (или краевой/областной) фонд.

Для приезжих предпринимателей – минимум административной регуляторики, максимум свободы (в отведённых рамках, разумеется), не только в ТОР и СпВ, но и за их пределами.

Отдельно - про «дальневосточный гектар». Само появление этой единицы измерения (квадрата 100 на 100 м) выглядит странно: если у нас 7 млн кв. км пустой земли – почему не давать желающим по 100 или по 1000 га? Возможно, имеет смысл дифференцировать претендентов на землю по площади и предназначению, поскольку для ИЖС достаточно и десяти соток, владельцу

турбазы нужно несколько десятков гектар, а фермеру желательно иметь несколько сотен, и не в чаемом многими Хасанском районе, а, например, в Ханкайском.

Как видим, быстрых и эффективных решений для роста населения не обнаруживается, если не считать утопическую идею «территориального вэлфера» за сам факт проживания на территории, по примеру Аляски. За счёт национальной программы можно попытаться изменить качество жизни, а вот её уровень в большей степени зависит от экономики и производственной инфраструктуры - но это уже тема для отдельного разговора.

Л.Э. Коломыц

Статья опубликована 18.02.2019 на портале Eastrussia

https://www.eastrussia.ru/material/oborotnyy-chelovecheskiy-kapital/?fbclid=IwAR37B0xS_R4FdhOaTXLRKSSnKJ35h7-ekVbuZvLoHgflEI-e6RTu2IIIEuY